

ла ясна – Зейнаб уже давно рассказывала на углу о том, что ее сын Элли грам сошел в тюрьме с ума и его скоро выпустят. Давуд, очевидно, забыл об этом, или страсть взяла верх над осторожностью, но так или иначе, он наступил сперва на одну, а потом на другую руку Элли грама. И чуть не распрощался с жизнью. Не помог ему и большой сапожный нож, которым он не упускал возможности замахнуть на каждого, кто ему не нравился.

На глазах у всех сидящих в тот вечер на углу, Элли грам прыгнул ему на грудь, повалил на землю и принялся душить. Нож валялся рядом. Давуд выпустил его из рук, когда ему стало совсем душно. У нас на углу не полагалось вмешиваться в личные дела соседей, и поэтому никто не мешал Давуду постоять за свою жизнь. Все окружили его и сидящего у него на груди Элли грама, и с интересом наблюдали за тем, как он испускает дух. Кое-кто подбадривал Давуда советами.

В тот вечер я впервые увидел Элли грама после возвращения из тюрьмы. Я шел к бабушке, она жила кварталом ниже нас, а когда увидел двух сцепившихся на углу людей, я подбежал посмотреть на них, я сразу узнал в том, кто душил, Элли грама. За три года, что я его не видел, у него выросли длинные усы, а губы стали дергаться в разные стороны, и все-таки я узнал его сразу.

Давуд уже совсем перестал сопротивляться, только слегка подергивался, как курица, когда ей отрежешь голову, и возил изредка ногами по асфальту, прочерчивая темно-синие полоски резиновыми подошвами сапог.

Элли грам обвел торжественными глазами окруживших его людей. Когда они остановились на мне, уверенность в том, что оставив Давуда, он начнет душить меня, ударила по животу, подогнула мне ноги и заставила сесть на землю. Горькая слюна наполнила рот.

А он закричал так, как он потом кричал всякий раз, когда видел меня, почти застонал, и оставив Давуда, бросился к своим воротам.

Я сидел на земле. Позывы тошноты тискали мне внутренности, стискивали челюсти, и я не мог разжать их, чтобы опорожнить рот.

Так я чувствовал себя, когда увидел Элли грама после возвращения его из тюрьмы, но именно в тот вечер я стал отчаянным – каждый день возвращаясь из школы, я наслаждался страхом, который я внушал Элли граму, а в еще большей мере, впечатлением, которое его страх передо мной оказывал на всех живущих на углу Полуханой и Первой параллельной.

Поднимаясь по лестнице, я уже не свистел “Крутится, вертится шар голубой”, а напевал. Мой старший брат не любил, когда я свистел, а я боялся своего старшего брата, он был значительно отчаянней меня.

После того, как я поел, он послал меня в подвал за углем, и я пошел, потому, что боялся его, а ведь была его очередь ходить за углем.

Подвал был сырой от подпочвенной воды и темный. В нем было страшно. Деревянный пол сохранился только в том углу, где лежала куча угля, и я боялся, что на меня прыгнет жаба.

Я накладывал уголь в ведро и вспоминал о том, как в сорок четвертом, когда здесь не было угля, но был еще пол, Элли грам, которого тогда звали Энвером, предложил устроить в этом подвале штаб. Он тогда был горазд на выдумки, Элли грам. Во-первых, потому, что он был старше всех нас и даже моего старшего брата (брату тогда было 16, а Энверу 17). Во-вторых, потому, что он вообще любил всякие выдумки.

Например, это по его предложению мы красной краской намалевали на углу большие буквы: “Штаб” и стрелку, похожую на копыце, которое я видел в музее, куда

меня возил приехавший на несколько дней с фронта отец.

Из-за этого “Штаба” и стрелки ночью на наш двор был налет, и у всех сделали обыск. Нам всем здорово влетело, и было запрещено водиться с Энвером.

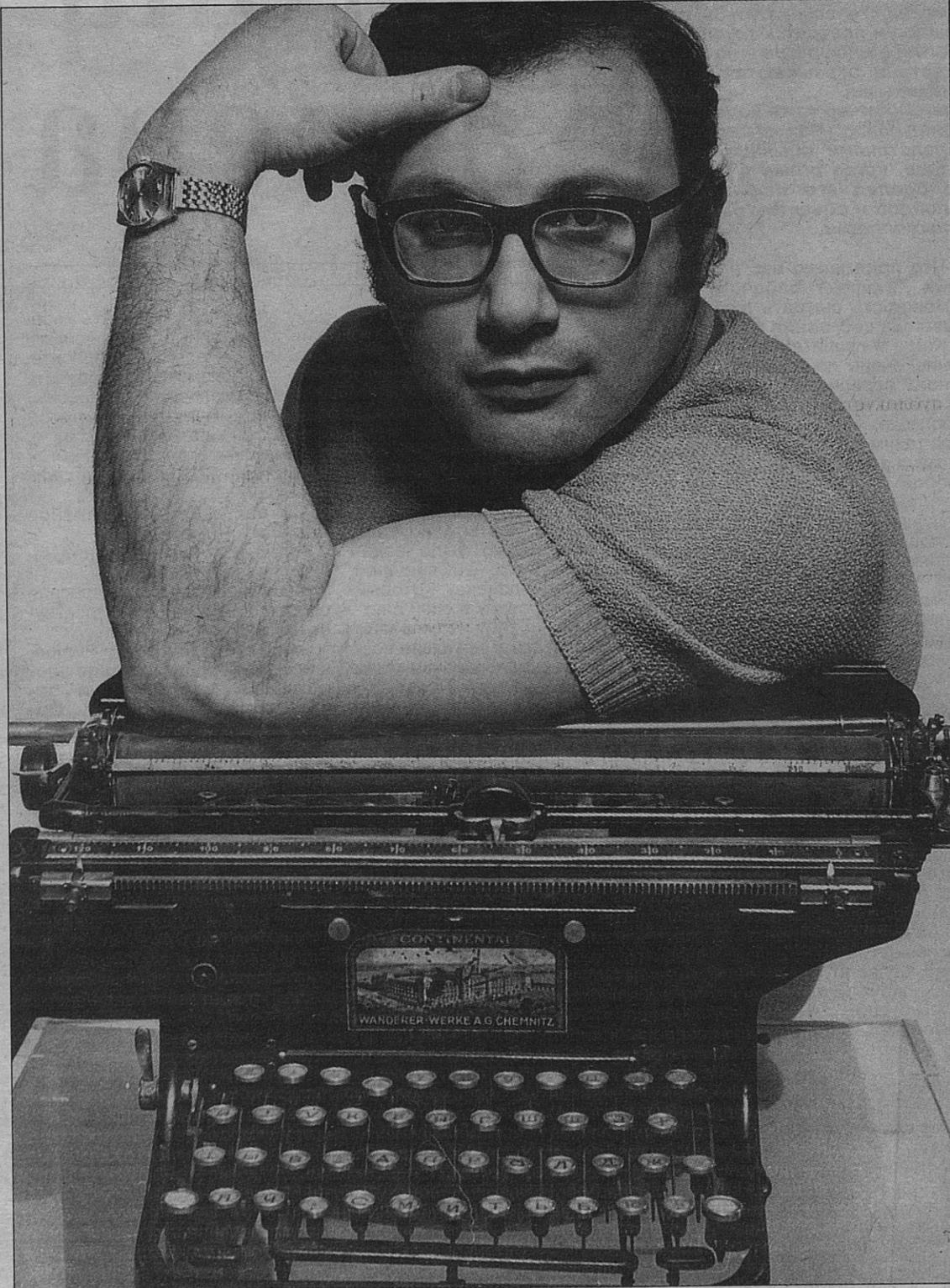
По его же инициативе, завмагу Салману, не позволяющему нам играть на улице в футбол, было подброшено вымоченное в керосине (кажется, для того, чтобы не остались отпечатки пальцев, или же, чтобы отбить нюх у собаки-ищейки, если дойдет до этого дело)

форма, и мы уже видели его очень редко, по воскресеньям.

А в начале сорок пятого его арестовали за то, что, подвыпив с новыми друзьями, он в парке офицеров выколол глаз портрету Багирова (Первый секретарь ЦК Азербайджана, расстрелянный в 1954 году как враг народа, сподвижник Берия). Ему дали за это десять лет, но вернулся он через три года сумасшедшим, что дало возможность Салману при случае хвастаться своей прозорливостью. Он же еще в сорок четвертом, до

общей сложности царскими и советскими судами был приговорен к семидесяти годам каторги, рассказывал о том, как он выколачивал долг из человека, занявшего у него еще в николаевское время деньги и не возвращавшего их до 30-го года, и как он терпел это до тех пор, пока тот не купил граммофон.

– Это меня возмутило до того, – сказал Азиз-ага, насыпая мне в карман семечки в обмен на рубль, который я ему дал (он торговал семечками), – что я пошел к его дому и приставил к его глотке нож пря-

письмо, в котором предлагалось положить под третий от угла столб 10 тысяч рублей, в противном случае Салману была обещана мучительная смерть.

Жулик Салман поднял на ноги милицию всего города, и целую неделю после письма на нашем углу торчали агенты угрозыска, пытались выловить неизвестных вымогателей.

Энвер же уговорил моего брата и всех ребят постарше написать коллективное письмо в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Всем, конечно, было отказано по молодости, но он продолжал добиваться, и поговаривали, что сам военком города обещал отправить его на фронт – при первой возможности.

После этого, второго письма, наши родители особенно невзлюбили Энвера, а Салман уверял всех, что он сумасшедший.

В самом конце сорок четвертого он пошел работать в воензирванную охрану. У него была синяя

тюрьмы, чувствовал, что у Элли грама не все в порядке с мозгами. Зейнаб, которая через день мыла Салману полы и стирала белье, очень на это обижалась, но возражать Салману не смела.

Через месяц после того, как Элли грам чуть не задушил сапожника Давуда, кто-то ночью, когда он спал под лестницей во дворе, ударил его ножом. Но, вернувшись из больницы, он продолжал ненавидеть солнце и в полдень бросаться на людей. И единственным человеком, которого он панически боялся, был я.

Набрав и перетащив наверх, к пузатой нашей печке, три ведра угля, я вышел на угол. Здесь, как всегда, стояло человек 5-6, с кем можно было перекинуться словом-другим.

Солнце уже село за купол мечети, там тогда размещался швейный цех, а сейчас – астрофизическая лаборатория Академии наук. Старик Азиз-ага, известный тем, что в

мо на глазах его жены и детей. Собака, сказал я ему, когда ты не давал мне деньги в течение 13 лет, я терпел, думал, что у тебя их нет. Но когда ты купил эту говорящую трубу, а долг мне не отдаешь, я понял, что ты надо мной издеваешься. Или давай долг, собачий сын, или выпущу из тебя всю твою кровь!

– Ну как, отдал? – спросил сапожник Давуд, натачивающий свой нож.

– Еще как отдал, попробовал бы не отдать.

– Азиз, ты лучше скажи, как ты думаешь, почему Элли грам боится этого мальчишку, – вмешался Салман, которому Давуд собирался чинить туфель, показывая на меня.

– А что тут удивительного, – ответил спокойно Азиз-ага. – Вы не смотрите на то, что он носит очки, я знал его деда. Знаменитый гоци (человек без определенных занятий в дореволюционном Азербайджане, считающий своим долгом постоять за честь любого обижен-

ного. Очень часто за плату) был, храбрый и достойнейший человек. А кто был отец Элли грама? Амбал (носильщик, грузчик). Так что понятно, почему он боится его.

– Ты же не был амбалом, – возразил Давуд. – Однако Элли грам избил твоего сына.

Старый Азиз смутился.

– Он пострадал за это, – пробормотал он. – И еще пострадает.

– Он пострадал не за то, – возразил Давуд. – А за то, что осмелился поднять на меня руку.

– Как бы ни так, – вмешался мой сосед по двору, работник ОБХС Хоеров. – Он пострадал за то, что плюнул на мою жену.

– Ладно, не будем спорить, – сказал Азиз-ага. Кто-то отомстил за всех нас.

– А ты можешь ночью, когда он спит во дворе, ударить его палкой? – спросил меня Давуд.

– Могу, – сказал я, обрадованный тем, что на меня обратили внимание. – Только ночью я сплю. Но я могу и днем, лишь бы успеть подкрасться.

– Молодец, – сказал завмаг Салман. – Ты настоящий мужчина. Отчаянный. Обязательно подкрадись к нему и дай по голове палкой.

У всех загорелись глаза от одной мысли, кто-то стукнет Энвера палкой.

– Надо только отвлечь его внимание – сказал я. Меня просто распирало от гордости; еще никогда ни одному пятнадцатилетнему мальчишке не уделяли столько внимания на нашем углу. Даже самым отчаянным. Мои ровесники с другой стороны улицы с завистью смотрели на меня.

Но как всегда, все испортила мама. Высунувшись из окна, она громко крикнула:

– Мурад, опять ты торчишь на углу с этим хулиганьем, марш домой.

Мне не удалось дать Элли граму палкой по голове, и тем самым как-то загладить эту дикую мамину выходку. На следующий день после того разговора на углу Элли грам избил завмага Салмана и тот совершил чудо. Два месяца, что Элли грам вернулся из тюрьмы, по всем инстанциям писались пострадавшими от его руки людьми жалобы с просьбой забрать его в сумасшедший дом. Но в те времена устроить человека в сумасшедший дом было почти невозможно. То ли сумасшедших было много, то ли, наоборот, сумасшедших домов мало, но было так.

И Салман совершил это чудо. Завмагу Салману все было под силу, недаром боялась его старая Зейнаб, мать Элли грама.

Ночью приехала санитарная машина, и два здоровенных санитаров долго бегали за жалобно кричавшим Элли грамом. Старая Зейнаб причитала и билась головой о ступеньки машины, когда они его поймали и сунули в нее.

Только ей и мне было жаль Элли грама – серая машина с крестом увозила ее сына, а мою – отчаянность.

***

Многими годами позже, когда умирала старая Зейнаб, и я вез ее в больницу, она сказала мне, тяжело дыша:

– Сынок, а знаешь, почему покойный Энвер боялся тебя?.. Ведь Багиров тоже очки носил... И следователь тоже...

Выражаем благодарность Вышим курсам сценаристов и режиссеров за предоставленные материалы.

Фото В.ПЛОТНИКОВА